

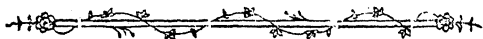
РУДОЛЬФЪ
ФОНЪ ВЕСТЕНБУРГЪ.

Картина необузданныхъ
страстей,
служащая предостереженіемъ
каждому молодому человѣку.

Сочиненіе Г. Шлиса.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Христоф. Клаудія.

1 8 0 6.

Нещасный человекъ! сколь ты ве-
ликъ — и низокъ,
Ты равенъ Ангеламъ — и къ бессло-
веснымъ близокъ.
Высокій разумъ ты отъ Бога по-
лучилъ,
Но пренебрегъ его, оставилъ, по-
мрачилъ.

Галлеръ.

92.30-2424

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Уни-
верситета.

Изумленный Рудольфъ лежалъ еще на соломенной постелѣ своей. Все, что слышалъ онъ отъ Петруши, было ему непоспнжимо! Осправнтьсн въ пунъ съ разсвѣтомъ дня, было его твердое намѣреніе; но не столь была непоколебима рѣшнмость его: какой избрать пунъ? „*На право, на лѣво!*“ думалъ онъ безпрестанно: пунъ должно быть разлнчїе! разлнчїе, которое имѣалъ, можетъ быть, влїянїе на всю жизнь мою! Чтн буду я дѣлать въ Палестннѣ? продолжалъ онъ. Тамъ война, голодъ, чума; тамъ не найду радости для жизни своей! Туда идетъ дорога въ право? На право долженъ я разогнуть книгу, ежели хочу видѣть

жену Петрушину! И такъ въ *правѣ* ожидающъ меня ничто другое, какъ бѣдспвія, спрда- нія; пойду въ *лѣво*, и наслажусь жизнію по совѣту опытнаго дру- га моего!“

Теперь рѣшимость его была столь же тверда, какъ первое намѣреніе. Невольно родилась мысль въ душѣ его: что дѣла- етъ Ефрозина? что случилось съ несчастною? Онъ въ первый разъ взялъ сумку, въ первый разъ вы- нулъ книгу. „*На право, или на лѣво* раскрыть ее? думалъ онъ, и раскрылъ на *лѣво*. Въ минушу защецалъ потолокъ хижины надъ головою Рудольфа. Ужаснув- шись взглянулъ онъ въ верхъ и взору его представилась огромная, ужасная фигура, угрожающая сог- бенною головою своею поднятъ потолокъ. Фигура подобила ис-

полину, Рудольфъ никогда не видалъ огромнѣе, страшнѣе онаго. Вышиною былъ онъ по крайней мѣрѣ осьми футовъ, и одѣтъ какъ Петруша въ темное холстяное платье; борода его какъ и того простиралась до колѣнъ; но въ рукѣ имѣлъ вмѣсто суковатой дубинки, полсный колъ.

Рудольфъ. (Трепещетъ). Что тебѣ надобно? я не звалъ тебя.

Исполинь. (Басомъ). Не звалъ? а открылъ на лѣво книгу.

Руд. Что бы говорить съ Петрушею, а не съ тобою.

Исполинь. Другая должностъ пребуетъ другихъ силъ, слѣдственно и другаго вида! Ты видишь во мнѣ Петрушу, который столь же охотно, столь же усердно желаетъ служить тебѣ. Что прикажешь?

Руд. Ты Петруша? не возможно!

Петруша. Точно! что тебѣ до моего вида, ежели воля твоя будетъ исполнена? Прикажи, и увидишь безпрекословное мое повиновеніе.

Руд. Трудно мнѣ вѣрить словамъ твоимъ, труднѣе привыкнутьъ къ ужасному виду твоему. Будь лучше, каковъ былъ.

Петр. Не могу! Ты звалъ меня, что прикажешь?

Руд. Я хотѣлъ, я желалъ знать, что дѣлается съ бѣдною Ефросиною?

Петр. Я поспѣшу въ Даміестѣ, и принесу тебѣ скорое извѣстіе.

Петруша исчезъ. Рудольфъ протираетъ глаза, дабы увѣриться: во снѣ, или на яву все это видѣлъ и слышалъ? Еще онъ не рѣшилъ этого, какъ огромный Петруша опять стоялъ предъ нимъ.

Петр Ефрозина болѣна, очень болѣна. Жаръ горячки свирѣпствуетъ въ ея внутренности; и, влюбленный Султанъ, спрaшилcя лишипcя ее.

Руд. Бѣдная Ефрозина!

Петр. Только что теперь отдалъ онъ строгое повелѣнiе искать тебя, взять, гдѣ н ѣдущъ, и привести къ престолу своему.

Руд. Меня? на что?

Петр. Онъ думаетъ, ты опривилъ ее. ты наругался надъ нимъ, отдавъ ему Ефрозину болѣною и борющекcя съ смертію.

Руд. Что мнѣ дѣлать? куда скрыватьcя?

Петр. Прикажи, и я повинуюсь!

Руд. Бѣжашъ ли мнѣ, или здѣсь скрыватьcя?

Петр. Прикажи, и я повинуюсь!

Руд. Несносный упрямецъ, я хочу слышать твой совѣтъ, твое мнѣніе!

Петр. Я слуга, ты Господинъ! Первому надлежитъ слушаться, второму приказывать.

Руд. Несчастная Ефрозина! Я не могу спасти тебя. Да будетъ теперь смерть твоя моимъ желаніемъ! она освободитъ тебя и меня отъ всѣхъ мученій! — (выходитъ изъ хижины). Утро разсвѣтаетъ. Что теперь начатъ мнѣ? О Петруша! Петруша! Это не хорошо, достойно порицанія, что ты меня совсѣмъ оставилъ, забылъ, когда наиболѣе имѣю нужду въ твоёмъ пособіи.

Петр. Рыцарь! Ты имѣешь разумъ, голову, сердце! Можешь мыслить, желать и поступать, какъ всѣ люди. За что же ропщешь на слугу своего?

Рул. За оказѣ въ совѣтѣ.

Петр. Прикажи, и я пови-
нуюсь!

Рул. Или безпрестанно хо-
чешь мучить меня этимъ нес-
носнымъ отвѣтомъ?

Петр. Безпрестанно, и до
тѣхъ поръ, покуда поймешь его
и выразишь!

Рул. Султанъ велѣлъ искать
меня, говоришь ты?

Петр. Велѣлъ!

Рул. Найдутъ ли меня, ко-
гда я поѣду въ право?

Петр. Не знаю.

Рул. А въ лѣво?

Петр. Не знаю. Не могу смо-
трѣть ни въ будущее, ни обра-
щать взоръ на прошедшее; могу
только слушаться и исполнять,
что ты прикажешь.

Рул. О! какъ ужасно я об-
манутъ! я подобенъ ребенку, по-

кинутому безжалостною матерью, который не въ состоянїи самъ себѣ доставать пищу.

Петр. Щастливъ тотъ ребенокъ, который хотя и покинутъ по важнымъ причинамъ своею матерью; но ему далъ вѣрный слуга, доставляющій пищу, когда онъ голоденъ, и подающій пить когда жаждетъ!

Руд. Но не предостерегаетъ его отъ близкой опасности, не увлекаетъ отъ пропасти, въ которую безпечно онъ спремится.

Петр. И однакожъ выпаскивается изъ оной, когда онъ кликнетъ его; спѣшитъ къ нему съ помощію, когда хотя малѣйшій знакъ онъ подаетъ ему. Человѣкъ долженъ дѣйствовать свободно, избирать непринужденно; но и отвѣчать какъ поступалъ, какъ дѣйствовалъ въ этой жизни!

Руд. Такъ и быть! Буду въ мое отечество. Вѣчнаго боренія, вѣчнаго рвенія не доставитъ мнѣ къ доспигенію щастія; буду наслаждаться въ покоѣ удѣломъ своимъ, не стану болѣе, по роскошествовать, по вдругъ перепѣвать нужду! Если Султановы слуги найдутъ меня, я надѣюсь на помощь твою.

Петр. Прикажи, и я повинуюсь!

Рудольфъ. Гдѣ найду корабль, который этимъ утромъ отправляется во Францію?

Петруша. На лѣво къ берегу ведетъ тропинка къ рукаву, къ которому онъ вчера присталъ по причинѣ противнаго вѣтра. Уже расправляютъ парусы. Ты долженъ спѣшить, ежели хочешь заснать его.

Рул. Побѣгу! (беретъ сумку и слѣдуетъ по тропинкѣ).

Петр. Ишли ли мнѣ за табю?

Рул. Я позову тебя, когда будетъ надобно.

Рудольфъ скоро пришелъ къ рукаву, увидѣлъ корабль, гошовой пустился въ море, и просилъ о принятіи начальника онаго, стоящаго на берегу. — „Я Нѣмецкой Рыцарь, говорилъ онъ, претерпѣвшій тяжестъ невольничества и бѣдствій различнаго рода; щасливо ушелъ на островъ, и сердечно желаю видѣть свое отечество. Возми меня съ собою! Труды твои будутъ награждены, за пищу получишь денежную плату.“

„Я радъ тебѣ, сынъ печали! отвѣчалъ онъ: познай во мнѣ брата своего, который питаетъ

вѢ себѢ чувство человѣчества. ВсѢ мы носили узы невольничества, и, освобожденные благодарнымъ Королемъ, плывемъ теперь вѢ свое отечество; войди поспѣшно на корабль, и спѣши, дабы достигнуть скорѣе къ берегамъ моего отечества.“

Плаваніе было щастливо. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ увидѣли они землю Христіанскую скоро узнали башни славнаго Марсея, и спали вѢ гавань свою. Рудольфъ во все это время не имѣлъ потребности вѢ помощи новаго слуги своего, и по сей причинѣ онъ не призывалъ его; безпрестанно посковалъ, что вѢ немъ долженъ онъ имѣть только слугу, а не совѣто-дателя и друга. Онъ честно заплатилъ за все переправленіе, съ благодарностію расстался съ началь-

никомъ корабля, и спалъ въ славномъ наемномъ домѣ.

Марсель былъ тогда въ цвѣтущемъ соспоянїи, изобиловалъ поргволею и промышленностїю; множество благородныхъ знапныхъ фамилїй и иноземцовъ обипали въ спѣнахъ его. Рудольфъ часто видалъ прекрасныхъ женщинъ, проѣзжающихъ мимо оконъ своего дома. Сердце его, которое до сихъ поръ было ко всему нечувствительнo, оживилось при взорѣ на оныхъ. Чашѣ бывать въ мѣстахъ многoлюдныхъ, разсѣваятъ печальныя мысли свои, было его пвердое намѣренїе.

Маленькая сумка Петруши заключала нѣсколько денежнаго запасу. Онъ накупилъ себѣ платья, военныхъ снарядовъ, коней, и,

прежде нежели за все это запла-
тила, сумка его была пуста.

Спашгальперъ Марсея толь-
ко что велѣлъ объявить тур-
ниръ, который долженствовало
быть данъ въ честь богатой
наслѣдницы Графства Прованска-
го, Принцессѣ Беатриссѣ. Въ день
бракосочетанія ея съ Галльскимъ
Принцемъ, приглашали Рыцарей
турнировать въ Сенсѣ. Рудольфъ
смирѣлъ съ завистію, какъ
все великолѣпно одѣвались; какъ
изъ дальнихъ земель приѣзжали
Рыцари, дабы въ сей Высокопоро-
жественный день предъ глазами
всего Королевскаго дома показать
свою храбрость.

Духъ славы пробудился въ
Рудольфѣ. Познакомить Галль-
скихъ Рыцарей съ силою и хра-
бростію Германскою было его пла-
менное желаніе. Но какъ ни